

Л.Н. Толстой

Воскресенье

Роман в трех частях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т52

Т52 **Толстой Л.Н.**
Воскресенье: Роман в трех частях / Л.Н. Толстой – М.: Книга по Требованию,
2013. – 546 с.

ISBN 978-5-517-99354-0

ISBN 978-5-517-99354-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Какъ ни старались люди, собравшись въ одно небольшое мѣсто нѣскольکو сотъ тысячъ, изуродовать ту землю, на которой они жалісь; какъ ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней; какъ ни счищали всякую пробивающуюся травку; какъ ни дымили каменнымъ углемъ и нефтью; какъ ни обрѣзывали деревья и ни выгоняли всѣхъ животныхъ и птицъ;—весна была весною, даже и въ городѣ. Солнце грѣло, трава, оживая, росла и зеленѣла вездѣ, гдѣ только не соскребли ее, не только на газонахъ бульваровъ, но и между плитами камней, и березы, тополи, черемуха распускали свои клейкіе и пахучіе листья, липы надували лопавшіяся почки; галки, воробьи и голуби по весеннему радостно готовили уже гнѣзда, и мухи жужжали у стѣнъ, пригрѣтыя солнцемъ. Веселы были и растенія, и птицы, и насѣкомыя, и дѣти. Но люди—большіе, взрослые люди—не переставали обманывать и мучить себя и другъ друга. Люди считали, что священно и важно не это веселее утро, не эта красота міра Божія, данная для блага всѣхъ существъ, — красота располагающая къ міру, согласію и любви, а священно и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать другъ надъ другомъ.

Такъ въ конторѣ губернской тюрьмы считалось священнымъ и важнымъ не то, что всѣмъ животнымъ и людямъ даны умиленіе и радость весны, а считалось священнымъ и важнымъ то, что наканунѣ получена была за номеромъ, съ печатью и заголовкомъ, бумага о томъ, чтобы къ 9-ти часамъ утра были доставлены въ вышнѣйшій децъ, 28-го апрѣля, три

содержащіяся въ тюрьмѣ подслѣдственные арестанта — двѣ женщины и одинъ мужчина. Одна изъ этихъ женщинъ, какъ самая важная преступница, должна была быть доставлена отдѣльно. И вотъ, на основаніи этого предписанія, 28-го апрѣля въ темный, вошючій коридоръ женскаго отдѣленія, въ 8 часовъ утра, вошелъ старшій надзиратель. Вслѣдъ за нимъ вошла въ коридоръ женщина съ измученнымъ лицомъ и вьющимися сѣдыми волосами, одѣтая въ кофту, съ рукавами обшитыми галунами, и подпоясанная поясомъ съ синимъ кантомъ. Это была надзирательница.

— Вамъ Маслову?—спросила она, подходя съ дежурнымъ надзирателемъ къ одной изъ дверей камеръ, отворившихся въ коридоръ.

Надзиратель, гремя желѣзомъ, отперъ замокъ и, растворивъ дверь камеры, изъ которой хлынулъ еще болѣе вопючій, чѣмъ въ коридорѣ, воздухъ, крикнуть :

— Маслова, въ судъ! — и опять притворилъ дверь, дожидаясь.

Даже на тюремномъ дворѣ былъ свѣжій, живительный воздухъ полей, принесенный вѣтромъ въ городъ. Но въ коридорѣ былъ удручающій, тифозный воздухъ, пропитанный запахомъ испражнений, дегтя и гнили, который тотчасъ же приводилъ въ уныніе и грусть всякаго, вновь приходившаго челоука. Это испытала на себѣ, несмотря на привычку къ дурному воздуху, пришедшая со двора надзирательница. Она вдругъ, входя въ коридоръ, почувствовала усталость и ей захотѣлось спать.

Въ камерѣ слышна была суетня : женскіе голоса и шаги босыхъ ногъ.

— Живѣй что-ль, поворачивайся тамъ, Маслова, говорю ! —крикнулъ старшій надзиратель въ дверь камеры.

Минуты черезъ двѣ бодрымъ шагомъ изъ двери вышла, быстро повернулась и стала подлѣ надзирателя невысокая и очень полногрудая молодая женщина въ сѣромъ халатѣ, надѣтомъ на бѣлую кофту и на бѣлую юбку. На ногахъ женщины были полотняные чулки, на чулкахъ — острожные

коты, голова была повязана бѣлой косынкой, изъ-подъ которой, очевидно умышленно, были выпущены колечки выющихся черныхъ волосъ. Все лицо женщины было той особенной бѣлизны, которая бываетъ на лицахъ людей, прошедшихъ долгое время взаперти, и которая напоминаетъ ростки картофеля въ подвалѣ. Такія же были и небольшія широкія руки, и бѣлая полная шея, виднѣвшаяся изъ-за большого воротника халата. Въ лицѣ этомъ поражали, особенно на матовой блѣдности лица, очень черные, блестящіе, нѣсколько подпухшіе, но очень оживленные глаза, изъ которыхъ одинъ косилъ немного. Она держалась очень прямо, выставляя полную грудь. Выйдя въ коридоръ, она, немного закинувъ голову, посмотрѣла прямо въ глаза надзирателю и остановилась въ готовности исполнить все то, что отъ нея потребуютъ. Надзиратель хотѣлъ уже запереть дверь, когда оттуда высунулось блѣдное, строгое, морщинистое лицо простоволосой сѣдой старухи. Старуха начала что-то говорить Масловой; но надзиратель надавилъ дверь на голову старухи, и голова исчезла. Въ камерѣ захохоталъ женскій голосъ. Маслова тоже улыбнулась и повернулась къ зарѣшетенному маленькому оконцу въ двери. Старуха съ той стороны прильнула къ оконцу и хриплымъ голосомъ проговорила:

— Пуще всего лишняго не высказывай, стой на одномъ и шабашъ.

— Да ужъ одно бы что, хуже не будетъ, — сказала Маслова, потрянувъ головой.

— Извѣстно одно, а не два, — сказалъ старшій надзиратель съ начальственной увѣренностью въ собственномъ остроуміи — За мной, маршъ!

Виднѣвшійся въ оконцѣ глазъ старухи исчезъ, а Маслова вышла на середину коридора и быстрыми мелкими шагами пошла всѣдъ за старшимъ надзирателемъ. Они спустились внизъ по каменной лѣстницѣ, прошли мимо еще болѣе, чѣмъ женскія, вонючихъ и шумныхъ мужскихъ камеръ, изъ которыхъ ихъ вездѣ провожали глаза въ оконцахъ дверей, и вошли въ контору, гдѣ уже стояли два конвойныхъ солдата

съ ружьями. Сидѣвшій тамъ писарь далъ одному изъ солдатъ пропитанную табачнымъ дымомъ бумагу и, указавъ на арестантку, сказалъ: „Прими.“ Солдатъ,—нижегородскій мужикъ, съ краснымъ, изрытымъ ослою лицомъ, положилъ бумагу за обшлагъ рукава шинели и, улыбаясь, подмигнулъ товарищу, широкоскулому чувашину, на арестантку. Солдаты съ арестанткой спустились съ лѣстницы и пошли къ главному выходу.

Въ двери главнаго выхода отворилась калитка, и, переступивъ черезъ порогъ калитки на дворъ, солдаты съ арестанткой вышли изъ ограды и пошли городомъ посерединѣ мощеныхъ улицъ.

Извозчики, лавочники, кухарки, рабочіе, чиповники останавливались и съ любопытствомъ оглядывали арестантку; пные покачивали головами и думали: „вотъ, до чего доводитъ дурное, не такое, какъ наше, поведеніе“. Дѣти съ ужасомъ смотрѣли на разбойницу, успокаиваясь только тѣмъ, что за ней идутъ солдаты, и она теперь ничего уже не сдѣлаетъ. Одинъ деревенскій мужикъ, продавшій уголь и напившись чаю въ трактирѣ, подошелъ къ ней, перекрестился и подаль ей копейку. Арестантка покраснѣла, наклонила голову и что-то проговорила.

Чувствуя направленные на себя взгляды, она незамѣтно, не поворачивая головы, косилась на тѣхъ, кто смотрѣлъ на нее, и это обращенное на нее вниманіе веселило ее. Веселилъ ее тоже чистый, сравнительно съ острогомъ, весенній воздухъ, по больно было ступать по камнямъ отвыкшими отъ ходьбы и обутыми въ неуклюжіе арестантскіе коты ногами, и она смотрѣла себѣ подъ ноги и старалась ступать какъ можно легче. Проходя мимо мучной лавки, передъ которой ходили, перекачиваясь, никѣмъ не обижаемые голуби, арестантка чуть не задѣла ногою одного сизяка; голубь вспорхнулъ и, трепеща крыльями, пролетѣлъ мимо самаго уха арестантки, обдавъ ее вѣтромъ. Она улыбнулась, и потомъ тяжело вздохнула, вспомнивъ свое положеніе.

II.

Исторія арестантки Масловой была очень обыкновенная исторія. Маслова была дочь незамужней дворовой женщины, жившей при своей матери скотницей въ деревнѣ у двухъ сестеръ-барышень, помѣщицъ. Незамужняя женщина эта рожала каждый годъ, и, какъ это обыкновенно дѣлается по деревнямъ, ребѣнка крестили, и потомъ мать не кормила нежеланно появившагося, пенужнаго и мѣшавшаго работѣ ребенка, и онъ скоро умиралъ отъ голода.

Такъ умерло пять дѣтей. Всѣхъ ихъ крестили, потомъ не кормили, и они умирали. Шестой ребенокъ, прижитый отъ проезжаго цыгана, была дѣвочка, и участь ея была бы та же, но случилось такъ, что одна изъ двухъ старыхъ барышень зашла въ скотную, чтобы сдѣлать выговоръ скотницамъ за сливки, пахнувшія коровой. Въ скотной лежала родильница съ прекраснымъ, здоровымъ младенцемъ. Старая барышня сдѣлала выговоръ и за сливки, и за то, что пустили родившую женщину въ скотную, и хотѣла уже уходить, какъ, увидавъ ребеночка, умилилась надъ нимъ и вызвалась быть его крестной матерью. Она и окрестила дѣвочку, а потомъ, жалѣя свою крестницу, давала молока и денегъ матери, и дѣвочка осталась жива. Старыя барышни такъ и называли ее «спасенной».

Ребенку было три года, когда мать ея заболѣла и умерла. Бабка-скотница тяготилась внучкой, и тогда старыя барышни взяли дѣвочку къ себѣ. Черноглазая дѣвочка вышла необыкновенно живая и миленькая, и старыя барышни утѣшались ею.

Старыхъ барышень было двѣ: меньшая, подобрѣе— Софья Ивановна, она-то и крестила дѣвочку, и старшая, построже — Марья Ивановна. Софья Ивановна наряжала, учила дѣвочку читать и хотѣла сдѣлать изъ нея воспитанницу. Марья Ивановна говорила, что изъ дѣвочки надо сдѣлать работницу, хорошую горничную, и потому была требовательна, наказывала и даже бивала дѣвочку, когда бывала не

въ духѣ. Такъ между двухъ вліяній изъ дѣвочки, когда она выросла, вышла полу-горничная, полу-воспитанница. Ее и звали такъ среднимъ именемъ — не Катька и не Катенька, а Катюша. Она шила, убирала комнаты, чистила мѣломъ образа; жарила, молола, подавала кофе, дѣлала мелкія постирушечки и иногда сидѣла съ барышнями и читала имъ.

За нее сватались, но она ни за кого не хотѣла идти, чувствуя, что жизнь ея съ тѣми трудовыми людьми, которые сватались за нее, будетъ трудна ей, избалованной сладостью господской жизни.

Такъ жила она до 16-ти лѣтъ. Когда ей минуло 16 лѣтъ, къ ея барышнямъ пріѣхалъ ихъ племянникъ-студентъ, богатый князь, и Катюша, не смѣя ни ему, ни даже себѣ признаться въ этомъ, влюбилась въ него. Потомъ черезъ два года этотъ самый племянникъ заѣхалъ къ тетушкамъ по дорогѣ на войну, пробылъ у нихъ четыре дня и наканунѣ своего отъѣзда соблазнилъ Катюшу и, сунувъ ей въ послѣдній день сторублевую бумажку, уѣхалъ. Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ его отъѣзда она узнала навѣрное, что она беременна.

Съ тѣхъ поръ ей все стало постыло, и она только думала о томъ, какъ бы ей избавиться отъ того стыда, который ожидалъ ее, и она стала не только неохотно и дурно служить барышнямъ, но, сама не зная какъ это случилось, вдругъ ее прорвало; она наговорила барышнямъ грубостей, въ которыхъ сама потомъ раскаивалась, и попросила расчета.

И барышни, очень недовольныя ею, отпустили ее. Отъ нихъ она поступила горничной къ становому, по могла прожить тамъ только три мѣсяца, потому что становой, 50-лѣтній старикъ, сталъ приставать къ ней, и одинъ разъ, когда онъ сталъ особенно предпримчивъ, она вскипѣла, назвала его дуракомъ и старымъ чортомъ, и такъ толкнула въ грудь, что онъ упалъ. Ее прогнали за грубость. Поступать на мѣсто было не къ чему, скоро надо было родить, и она поселилась у деревенской вдовы-повитухи, торговавшей

льпомъ. Роды были легкіе. Но повитуха, припавшая на деревнѣ у больной женщины, заразилъ Катюшу родильной горячкой, и ребенка, мальчика, отправили въ воспитательный домъ, гдѣ ребенокъ, какъ рассказывала возившая его старуха, тотчасъ же по пріѣздѣ умеръ.

Всѣхъ денегъ у Катюши, когда она поселилась у повитухи, было 127 рублей: 27—зажитыхъ и 100 рублей, которые далъ ей ея соблазнитель. Когда же она вышла отъ нея, у нея осталось всего 6 рублей. Она не умѣла беречь деньги, и на себя тратила, и давала всѣмъ, кто просилъ. Повитуха взяла у нея за прожитіе — за кормъ и за чай — за два мѣсяца 40 рублей, 25 рублей пошли за отправку ребенка, 40 рублей повитуха выпросила себѣ взаймы на корову; рублей двадцать разошлись такъ—на платья, на гостинцы, такъ что, когда Катюша выздоровѣла, денегъ у нея не было, и надо было искать мѣста. Мѣсто нашлось у лѣсничаго. Лѣсничій былъ женатый человекъ, но точно такъ же, какъ и становой, съ перваго же дня началъ приставать къ Катюшѣ. Онъ былъ противенъ ей, и она старалась избѣгать его. Но онъ былъ опытнѣе и хитрѣе ея; главное, былъ хозяинъ, который могъ посылать ее куда хотѣлъ, и выждавъ минуту, овладѣлъ ею. Жена узнала и, заставъ разъ мужа одного въ комнатѣ съ Катюшей, бросилась бить ее. Катюша не далась и произошла драка, вслѣдствіе которой ее выгнали изъ дома, не заплативъ зажитаго. Тогда Катюша поѣхала въ городъ и остановилась тамъ у тетки. Мужъ тетки былъ перепахетчикъ и прежде жилъ хорошо, а теперь растерялъ всѣхъ давальщиковъ и пьянствовалъ, пропивая все, что ему попадало подъ руку.

Тетка же держала маленькое прачечное заведеніе и этимъ кормилась съ дѣтьми и поддерживала пропащаго мужа. Она предложила Масловой поступить къ ней въ прачки. Но глядя на ту тяжелую жизнь, которую вели женщины-прачки, жившія у тетки, Маслова медлила и отыскивала въ конторахъ мѣсто прислуги. И мѣсто нашлось у барыни, жившей съ двумя сыновьями-гимназистами. Черезъ

недѣлю послѣ ея поступленія, старшій, усатый, 6-го класса гимназистъ бросилъ учиться и не давалъ покою Масловой, пристава къ ней. Мать обвинила во всемъ Маслову и разочла ее. Новаго мѣста не выходило, но случилось такъ, что, придя въ контору, поставляющую прислугу, Маслова встрѣтила тамъ барыню въ перстняхъ и браслетахъ на пухлыхъ голыхъ рукахъ. Барыня эта, узнавъ про положеніе Масловой, ищущей мѣста, дала ей свой адресъ и пригласила къ себѣ. Маслова пошла къ ней. Барыня ласково приняла ее, угостила пирожками и сладкимъ виномъ и послала куда-то свою горничную съ запиской. Вечеромъ въ комнату вошелъ высокій человѣкъ съ длинными сѣдьющими волосами и сѣдой бородой; старикъ этотъ тотчасъ же подошелъ къ Масловой и сталъ, блестя глазами и улыбаясь, разсматривать ее и шутить съ нею. Хозяйка вызвала его въ другую комнату, и Маслова слышала, какъ хозяйка говорила: «свѣженькая, деревенская.» Потомъ хозяйка вызвала Маслову и сказала, что это писатель, у котораго денегъ очень много, и который ничего не пожалѣетъ, если она ему понравится. Она понравилась, и писатель далъ ей 25 рублей. обѣщая часто видаться съ нею. Деньги вышли очень скоро на уплату зажитого у тетки и на новое платье, шляпку и ленты. Черезъ нѣсколько дней писатель прислалъ за нею въ другой разъ. Она пошла. Онъ далъ ей еще 25 рублей и предложилъ переѣхать въ отдѣльную квартиру.

Живя на квартирѣ, наплатой писателемъ, Маслова полюбила веселаго приказчика, жившаго на томъ же дворѣ. Она сама объявила объ этомъ писателю и перешла на отдѣльную маленькую квартиру. Приказчикъ же, обѣщавшій жениться, ничего не сказавъ ей и, очевидно, бросивъ ее, уѣхалъ въ Нижній, и Маслова осталась одна. Она хотѣла-было жить одна на квартирѣ, но ей не позволили. Покороточный сказалъ ей, что она можетъ жить такъ, только получивъ желтый билетъ и подчинившись осмотру. Тогда она пошла опять къ теткѣ. Тетка видя на ней модное платье, накидку и шляпку, съ уваженіемъ приняла ее и уже не смѣла предлагать ей

поступить въ прачки, считая, что она теперь стала на высшую ступень жизни. Для Масловой теперь уже не было и вопроса о томъ, поступить или не поступить въ прачки. Она съ соболѣзнованіемъ смотрѣла теперь на ту каторжную жизнь, которую вели въ первыхъ комнатахъ блѣдныя, съ худыми руками прачки, изъ которыхъ нѣкоторыя уже были чахоточныя,—стирая и гладя въ 30-ти-градусномъ мыльномъ пару съ открытыми, лѣтомъ и зимой, окнами,—и ужасалась мысли о томъ, что и она могла поступить въ эту каторгу. И вотъ въ это-то время, особенно бѣдственное для Масловой, такъ какъ не попадался ни одинъ покровитель, Маслову разыскала сыщица, постаеляющая дѣвушекъ для домовъ терпимости.

Маслова курила уже давно, но въ послѣднее время связи своей съ приказчикомъ, и послѣ того, какъ онъ бросилъ ее, она все больше и больше приучалась пить. Вино привлекало ее не только по тому, что оно казалось ей вкуснымъ, но оно привлекало ее и больше всего потому, что давало ей возможность забыть все то тяжѣлое, что она пережила, и давало ей развязность и увѣренность въ своемъ достоинствѣ, которыхъ она не имѣла безъ вина. Безъ вина ей всегда было уныло и стыдно. Сыщица сдѣлала угощеніе для тетки и, наконецъ Маслову, предложила ей поступить въ хорошее, лучшее въ городѣ заведеніе, выставляя передъ ней всѣ выгоды и преимущества этого положенія. Масловой предстоялъ выборъ: или унижительное положеніе прислуги, въ которомъ навѣрное будутъ преслѣдованія со стороны мужиковъ и тайныя временныя прелюбодѣнія, или обезпеченное, спокойное, узаконенное положеніе и явное, допущенное закономъ и хорошо оплачиваемое постоянное прелюбодѣніе, и она избрала послѣднее. Кромѣ того, она этимъ думала отплатить и своему соблазнителю, и приказчику, и всѣмъ людямъ, которые ей сдѣлали зло. При томъ же соблазняло ее и было одной изъ причинъ окончательнаго рѣшенія то, что сыщица сказала ей, что платья она можетъ заказывать себѣ какія только пожелаетъ—бархатныя, фаевыя, шелковыя,

бальныя съ открытыми плечами и руками. И когда Маслова вообразила себя въ ярко-желтомъ шелковомъ платьѣ, съ черной бархатной отдѣлкой, — декольте, она не могла устоять и отдала поспортъ. И въ тотъ же вечеръ сыщица взяла извозчика и свезла ее въ знаменитый домъ Китаевой.

И съ тѣхъ поръ началась для Масловой та жизнь хроническаго преступленія заповѣдей божескихъ и человѣческихъ, которая ведется сотнями и тысячами тысячъ женщинъ не только съ разрѣшенія, но подъ покровительствомъ правительственной власти, озабоченной благомъ своихъ гражданъ, и кончается для девяти женщинъ изъ десяти мучительными болѣзнями, преждевременной дряхлостью и смертью.

Утромъ и днемъ тяжелый сонъ послѣ оргіи ночи. Въ 3-мъ, 4-мъ часу усталое вставанье съ грязной постели, зельтерская вода съ перепоя, кофе, лѣнивое шлянье по комнатамъ въ пеньюарахъ, кофтахъ, халатахъ, смотрѣнье изъ-за занавѣсокъ въ окна, вялая перебранка другъ съ другомъ, потомъ обмываніе, обмазываніе, душенье тѣла, волось, примѣриванье платьевъ, споры изъ-за нихъ съ хозяйкой, разсматриваніе себя въ зеркало, подкрашиваніе лица, бровей, сладкая жирная пища, потомъ одѣванье въ яркое шелковое, обнажающее тѣло платье, потомъ выходъ въ разукрашенную, ярко освѣщенную залу, — пріѣздъ гостей: — музыка, танцы, конфекты, вино, куреніе и прелюбодѣянія съ молодыми, средними, полудѣтми и разрушающимися стариками, холостыми, женатыми, купцами, прикащиками, армянами, евреями, татарами, богатыми, бѣдными, здоровыми, больными, пьяными, трезвыми, грубыми, вѣжливыми, военными, штатскими, студентами, гимназистами—всѣхъ возможныхъ сословій, возрастовъ и характеровъ. И крики, и шутки, и драки, и музыка, и табакъ и вино, и вино и табакъ, и музыка съ вечера и до разсвѣта. И только утромъ освобожденіе и тяжелый сонъ. И такъ каждый день, всю недѣлю. Въ концѣ же недѣли поѣздка въ государственное учрежденіе — участокъ, гдѣ находящіеся на государственной службѣ чиновники, доктора —мужчины, иногда серьезно и строго, а иногда съ ипривой